

Елена Кепплин

Живёт в г. Сыктывкаре, работает
ветеринарным врачом.

У каждого свой недуг
Наследственный, от природы.
Предчувствие, милый друг,
Зависит не от погоды.

Ещё глубоки снега,
Коню моему по стремя.
И зимы, как жемчуга,
На нить собирает время.

Натянута тетива,
Но, кажется, слишком рано
Вытягиваю слова
Из горла, как из колчана.

Не поздно построить храм,
У выхода притулиться,
От образов к образам
Растерянно обратиться.

Услышать забытый глас:
«Так будьте же вы как дети».
Зачем же навеки нас
Одних оставлять на свете?

Попали мы, милый друг,
В предчувствие ледяное.
И неизлечим недуг,
Когда на плечо родное

Не может никак взлететь
Рука без тепла и дрожи,
Обмякшая, словно плеть
Из гладкой и смуглой кожи.

Ночь неслышно колышет ветви,
Как сплетённые невода.
Возвращайся, родной и светлый,
Ты — живая моя вода.

И Луна, ослепив сияньем,
Бьётся рыбкою золотой.
У меня лишь одно желанье:
Возвращайся, желанный мой.

Я тебя целовала в губы,
На дорогу перекрестив.
Будет в небе Луна на убыль,
Будет в сердце любовь расти.

Будем с ночью прощаться вместе
И такую встречать зарю,
Что ни в сказке сказать, ни в песне,
Вот стихами и говорю.

Рыба с крючком проглатывает приманку,
Видит, как мир темнеет над головой.
Сладких червей собирал в жестяную банку
Вечный рыбак, склонившийся над водой.

Взор открывает пару тысячелетий,
Внешне ему чуть более тридцати.
Он говорит: «Ни на том, ни на этом свете
Участи благодатнее не найти.

Вот твой крючок, держись за него всем сердцем.
Это единственный способ услышать речь
Ясную, непроглядную для младенцев,
Речь, что умеет слух мой ласкать и сечь».

Рыба бескровный рот разевает шире,
Леску глотая, чтобы наверняка...
На берегу тишина, будто в юном мире
Нет пока ни дыханья, ни языка.

Нет ничего мучительней и смертельней
Плавать по дну, процеживая года.
Рыба лежит — калекой из богадельни,
Криком — в песок, из горла — вода, вода...

Жалкая суть подводного и земного
Не отлетит к возвышенным берегам,
Где, как родное дитя, нарекает слово
Вечный рыбак, читающий по губам.

Пока чертил кривой пунктир
Мой добросовестный ровесник,
Я обводила транспортир,
И круг был солнечным, как в песне.

Увы, добиться похвалы
На геометрии непросто.
Учитель наш любил углы,
Особенно — на девяносто.

От математик вдалеке
Стояла я в румянном гневe,
Писала мелом в уголке,
Подобно мальчику в припеве:

Пусть будет мама, папа, пусть
Большое в маленьком оконце
Плывёт над нами небо... Хрусть!
Сломалось солнце.

Всей геометрии — конец.
Жизнь рисовала пентаграмму,
Когда себя убил отец,
Когда болезнь убила маму.

И я не знала, что смогу
Прожить без них. А вот — сумела
Остаться в солнечном кругу,
Где нет угла, небес и мела.

Какой пылающий обряд!
Но я, видать, неязвима.
Здесь ровно триста шестьдесят,
Вполне терпимо.

Василий

И прежде чем зажгутся фонари,
Лети во мгле, которая кромешней
Чужой души. Из мрака сотвори
И свет, и дом, похожий на скворечник.

Ещё чуть-чуть — и дворик обнесёт,
Навряд ли что-то зная о границах,
Забор. Его легко перемахнёт
Дитя, не говоря уже о птицах.

Быть может, здесь я снова оживу.
Проснусь, как расцветающая тундра,
И выпорхну в распаханное утро,
Где ветер и увядшую траву
Окутала берёзовая пудра.

Где правильная жаркая пчела
Жужжит в твоей машинке шлифовальной.
Но принято откладывать дела,
Когда — немолодой, провинциальный —

Приходит Вася, как к себе домой,
Наряженный в лавандовый ошейник,
Спасающий от нечисти земной.
И гордо на хвосте несёт репейник.

Сидит в тени, не может глаз отвести
От хвостика отважной трясогузки,
Пытаясь вызнать трепетную весть,
Звучащую по-птичььи ли, по-русски...

И кто кому приходится роднёй,
Кот чувствует, он опытный охотник.
Не двигается, прячась под скамьёй,
Пока, лаская ветер пятернёй,
Кружит над ним кленовый беспилотник.

На свет лампы мотылёк
бросался, бился молоточком.
И что он, глупый, думать мог
на языке своём цветочном?

Что там он будет обогрет,
что назовут его любимым.
Какой же твёрдый этот свет,
какой же непреодолимый.

Сегодня уток били влёт,
И на озёрной роговице
Осенний ветер гнёзда вьёт
Из перьев раненой Жар-птицы.

Летела мимо, вышло так.
Но в тридесятм государстве
Спасёт её Иван-дурак,
Не экономя на лекарстве.

Водой, которая мертва,
Залечит страшные увечья.
А у меня внутри слова
Застряли вязаной картечью.

Так вышло. Разбухает грудь,
В ней нить торчит, как волос в тесте.
И если сильно потянуть,
То всё пройдёт, но с жизнью вместе.

Письмо в бутылке

Когда велосипед «Ромашка-8»
Я всё же оседлала кое-как,
Он тут же невзлюбил меня и сбросил,
И стала я один сплошной синяк.

А мимо проезжал мой трезвый папка
На мотоцикле «ИЖ Планета-5».
Страхнул пылицу, сгрёб меня в охапку,
Закинул в люльку и давай катать.

Бил ветер по глазам и по сопатке,
Земля кружилась, словно карусель.
И мчались белогривые лошадки,
Как мчатся годы — «шесть ромашка, семь».

Потом меня стошнило в подворотне,
Мы медленно поехали в гараж.
Там деда водку пил, столяр и плотник
От Бога, древесины верный страж.

И понеслось, шикарные заначки
Вдруг появлялись из-под верстака,
Пока я выводила на наждачке:
«Спасите наши души тчк».

Пихала в опустевшую бутылку
Шершавый свиток куцего письма,
И бегала к реке с такой ухмылкой,
С какой живут сошедшие с ума.

Наверное, у них случилось горе.
Об этом прочитают в письмеце
Два ангела, стоящие в дозоре
С молитвами об электромонтёре
И плотнике — о сыне и отце.

Никто из них не сляжет от инсульта,
И никого не вынут из петли.
Качнёт меня обшарпанная люлька,
Покатит, отрываясь от земли.

Ласточка

*...В чулане вечности противном
над безобразною планетой
летала ласточка активно,
и я любил её за это...*

Александр Ерёменко

Она летает до сих пор,
Вот эта ласточка пустая.
Как нож, полёт её остёр,
И в мякоть жизни запуская

То клюв, то чёрное перо,
Упорно углубляет ранку,
Поскольку хочет вскрыть нутро
И выворотить наизнанку.

А тот, кто птицу разглядел,
Ерёмой звался, был поэтом.
И в сбитый временем прицел
Он наблюдает за планетой,

Где недобитая мишень
Ещё отбрасывает тени.
Светла, как мир на пятый день,
Темна, как кровь в ерёмной вене.

Ангел

Это не деревья, а вулканы,
Ветер раздувает в них огонь.
Пламя нам разлизывает раны.
Видишь, как потрескалась ладонь?

Видишь, я горю великолепно,
Слой за слоем, как папье-маше.
Выпадут осадки в виде пепла,
Заметут осадок на душе.

Почва для тоски и вдохновенья.
Господи, во имя всех утрат
Ангела слепи для утешенья
Тех, кто попадёт в остывший ад.

Пусть он будет сыт духовной пищей.
С кровью на закушенной губе
Молча полетит над пепелищем
И найдёт подобного себе.